

14040

С. В.

14040.

С. Н. 1898, V

19569

Дружинини Н.

Юридическая беспомощность крестьянъ, какъ одно изъ препятствій къ экономическому развитію ¹⁾.

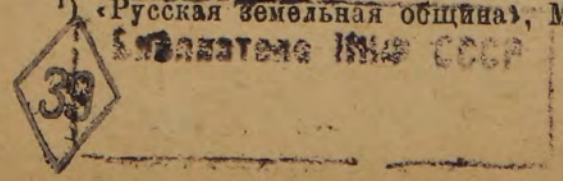
55587

„Гдѣ добрые судьи поведутся, — тамъ и ябедники переведутся“.
Русская пословица.

Въ свое время, одинъ изъ ислѣдователей народнаго быта, В. С. Пругавинъ, обмолвился слѣдующей характеристикой крестьянъ: «Непремѣнные члены, исправники, мировые судьи и частные ислѣдователи, — всѣ, въ одинъ голосъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что среди крестьянъ страшно развивается склонность къ сутяжничеству, стремленіе «на законномъ основаніи» обдѣлывать свои дѣлишки. Цѣлая свора разнаго рода «ходатаевъ», «аблакатовъ» и «крючковторовъ» выросла возлѣ крестьянства, оказывая ему услуги въ этомъ направленіи и систематически деморализуя его» ¹⁾...

Въ этихъ словахъ, какъ видно, заключается довольно тяжкое обвиненіе цѣлаго сословія и ряда лицъ изъ числа разночинцевъ: крестьяне-ябедники; они постоянно готовы начать противозаконное или явно-неосновательное дѣло; завалить должностныхъ лицъ разными прошеніями, жалобами, — поживиться подобнымъ путемъ на счетъ другъ друга или лицъ иныхъ сословій, — поиздѣваться надъ личностію, подвергая ее всѣмъ неприяностямъ преслѣдованія, или же воспользоваться оплошностію, беззащитностію и слабостію ближняго и овладѣть его достояніемъ, подъ видомъ законности, съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ. Склонность къ этому развивается притомъ въ крестьянахъ «страшно». Въ то-же самое время оказывается, что крестьяне совершенно обезпечены и въ отношеніе способовъ удовлетворенія этой «страсти»... Они не могутъ сами

¹⁾ «Русская Земельная община», Москва, 1888 г., стр. 88.

писать и сочинять жалобы, прошенія. Но зато къ ихъ услугамъ—«цѣлая свора» профессиональныхъ ябедниковъ, дѣятельность которыхъ предусматрива уложеніемъ о наказаніяхъ ¹⁾: «Ходатаи», «аблакаты» и «крючкотворы», съ указываемыми закономъ «корыстными и иными личными видами», побуждаютъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя общества къ начатію или продолженію «явно-противозаконныхъ» исковъ, сочиняютъ «ябедническія просьбы или иныя недозволенные бумаги», принимаютъ, «другимъ какимъ-либо образомъ, участіе въ дѣлахъ этого рода»... Профессиональныхъ ябедниковъ такъ много, что если бы дѣйствующіе законы примѣнялись «неукоснительно»,—«ходатаями», «аблакатами» и «крючкотворами» были бы наполнены тюрьмы; населена была бы Сибирь; взысканныя же съ нихъ штрафы значительно восполнили бы государственное казначейство...

Тогда, когда было заявлено приведенное обвиненіе противъ народа,—оставался только открытымъ вопросъ объ *отвѣтственности* самихъ «довѣрителей», обнаруживавшихъ склонность къ «сутяжничеству» и пользовавшихся какъ услугами профессиональныхъ ябедниковъ, такъ и плодами ихъ «трудоу»...

Но вотъ, съ тѣхъ поръ прошло около десяти лѣтъ. Склонность народа къ сутяжничеству, развивавшаяся «страшно»,—должна была, конечно, достигнуть за это время чрезвычайной степени. Непремѣнные члены и исправники—и продолжаютъ «въ одинъ голосъ» свидѣтельствовать объ этомъ. Къ ихъ же голосу, въ цѣломъ рядѣ губерній, присоединились за это время гораздо болѣе громкіе голоса земскихъ начальниковъ. И эти послѣдніе не ограничиваются уже простымъ указаніемъ на печальное явленіе, въ которомъ «деморализація» народа находитъ и выраженіе, и почву для своего проявленія. Они уже «искореняютъ» крестьянскихъ «ходатаевъ», «аблакатовъ» и «крючкотворовъ». Уголовный законъ, правда, попрежнему остается безъ примѣненія. Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, требующихъ доказательствъ вины,—не стало больше дѣлъ о преступленіяхъ, предусматриваемыхъ статьею 939 уложенія о наказаніяхъ. Но тутъ можно обойтись и безъ закона и общихъ судебныхъ мѣстъ. Для земскихъ начальниковъ открыта широкая—еще болѣе фактически, нежели юридически,—область административнаго воздѣйствія. Здѣсь же вопросы о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности въ ихъ рукахъ разрѣшаются гораздо проще и легче. Являются мѣры сокращенія повѣренныхъ, доводимыя до постановленій, сдѣланныхъ нѣкоторыми уѣздными сѣздами,—до постановленій, оповѣщающихъ заранее о томъ, что никому не будетъ выдаваемо свидѣтельствъ на право веденія чу-

¹⁾ Улож. о нак., ст. 939.

жихъ дѣлъ ¹⁾). Сочинители жалобъ изъ числа крестьянъ наказываются въ дисциплинарномъ порядкѣ. Жалобы, написанныя извѣстною, «знакомою», рукою, рвутся или не принимаются. Извѣстно нѣсколько случаевъ, когда земскіе начальники предлагали и настаивали на сельскихъ сходахъ на составленіи приговоровъ о высылкѣ нѣкоторыхъ лицъ въ Сибирь, Очень можетъ быть,—почти навѣрное,—тутъ имѣлись въ виду именно «ходатаи», «крючкотворы», «аблакаты»—изъ числа самихъ крестьянъ ²⁾).

Практически, безъ всякихъ измѣненій въ законахъ, разрѣшенъ нынѣ вопросъ и объ отвѣтственности самихъ «довѣрителей», такъ сказать «соучастниковъ» въ преступленіи «ябедничества». Извѣстны многочисленные случаи примѣненія земскими начальниками дисциплинарной власти къ крестьянамъ, подававшимъ «неосновательныя» просьбы и жалобы, или-же обращающимся къ «аблакатамъ» вообще, какъ и къ особо состоявшимъ «подъ запрещеніемъ»... ³⁾. Въ Харьковскомъ уѣздѣ, Про-

¹⁾ См. въ книгѣ моей—«Юридическое положеніе крестьянъ» статью «Юридическая безпомощность крестьянъ», напечатанную первоначально въ № 4 «Русскаго Богатства» за 1894 г.

²⁾ Извѣстенъ любопытный фактъ преслѣдованія, возбужденнаго противъ одного составителя прошеній мировымъ судьей. Предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей 2 округа Варшавской губерніи и мировой судья г. Влоцлавска предписалъ мѣстному полицмейстеру воспретить нѣкоему Лещинскому писать неграмотнымъ людямъ прошенія и другія бумаги. Полицмейстеръ повиновался,—и взялъ съ Лещинскаго подписку въ томъ, что онъ не будетъ писать прошеній и жалобъ. Однако, Лещинскій сталь и послѣ этого продолжать свое дѣло. Тогда полиція привлекла его къ судебной отвѣтственности по ст. 29 устава о наказаніяхъ, какъ за неисполненіе законныхъ распоряженій. Мировой судья постановилъ обвинительный приговоръ. Въ свою очередь, сѣздъ оставилъ въ силѣ приговоръ судьи. Но сенатъ, по жалобѣ Лещинскаго, отмѣнилъ этотъ приговоръ. При этомъ-же сенатъ привялъ во вниманіе и выставилъ то основное положеніе, что «существующими узаконеніями никому не воспрещается составленіе прошеній и всякихъ дѣловыхъ бумагъ, безъ истребованія на это предварительно отъ какой-либо власти разрѣшенія»—и что это право можетъ быть ограничено «только особымъ судебнымъ приговоромъ, при условіяхъ ст. 939 уложенія о наказаніяхъ». Мировой судья и сѣздъ были призваны сенатомъ даже «заслуживающими наказанія» за свое отношеніе къ настоящему дѣлу. («Журналъ Юридическаго Общества», іюнь за 1897 г., статья г. X.—«Юридическіе Курьезы», стр. 95—97).

³⁾ Одинъ изъ такихъ случаевъ подалъ даже поводъ къ аутентическому толкованію ст. 61 пол. о зем. нач.: земскій начальникъ 2 уч. Солигалическаго у., найдя неосновательною жалобу мѣщанки Герасимовой и оставивъ ее безъ послѣдствій, съ тѣмъ вмѣстѣ, принявъ во вниманіе, что «Герасимова подобными жалобами наводитъ неблагоприятную тѣнь на служебную дѣятельность вол. и сел. начальства»,—и опредѣлилъ, «въ видахъ предупрежденія на будущее время неосновательныхъ жалобъ и искорененія народнаго сутяжничества: подвергнуть Герасимову 3 руб. штрафу». По жалобѣ Герасимовой, принятой сѣздомъ къ своему разсмотрѣнію, дѣйствія земскаго начальника были признаны правильными. Но костромское губернское присутствіе представило въ сенатъ объ отмѣнѣ постановленій земскаго начальника и уѣзднаго сѣзда. Здѣсь 23 сенатора сбщаго собранія, войдя въ разсмотрѣніе смысла

топоповъ, какъ извѣстно, угрожалъ даже, что «прошенія будутъ на мордѣ, а жалобы—на задней части тѣла»...

Словомъ, со времени приведеннаго обвиненія, до извѣстной степени воспроизведено фактически «доброе старое время», когда крестьяне изъ числа крѣпостныхъ вовсе лишались права приносить извѣстныя жалобы, а «ябедники», которыми безразлично назывались всѣ составители крестьянамъ «недозволенныхъ жалобъ»,—наказывались «кнутомъ нещадно». Только проектъ новаго уголовного уложенія оказался «отставшимъ отъ жизни», невнемлющимъ ея голосу, въ видѣ стройнаго хора исправниковъ и земскихъ начальниковъ: согласно съ извѣстною постоянною эволюціею въ области уголовного законодательства, проектъ оставилъ въ покоѣ не только лицъ, пользующихся услугами «ябедниковъ», но и самихъ «ябедниковъ»¹⁾.

Въ надлежащемъ-ли отношеніи къ жизни находится, съ своей стороны, земство, возбуждающее нынѣ въ цѣломъ рядѣ губерній и уѣздовъ вопросы объ обезпеченіи крестьянскому населенію юридической помощи? Оно проектируетъ, между прочимъ, особыхъ ходатаевъ къ услугамъ крестьянъ. Тѣмъ же самымъ, земство какъ бы стремится увеличить предложеніе услугъ, оказываемыхъ «цѣлою сворою» разныхъ дѣятелей. Но какъ бы не повело это къ усиленію «наклонности къ сутяжничеству»,

ст. 61 и примѣняя общія свои соображенія къ настоящему дѣлу, нашли, что «никакимъ закономъ не воспрещено частнымъ лицамъ обращаться къ подлежащимъ властямъ съ прошеніями въ неопредѣленномъ числѣ, причемъ неосновательныя прошенія могутъ быть оставлены безъ послѣдствій, не подвергая просителей взысканіямъ уголовнымъ, если въ нихъ не содержится выражений укорительныхъ или оскорбительныхъ для должностныхъ лицъ; что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, взысканіе налагается на виновныхъ въ общемъ порядкѣ, а не въ особомъ, указанномъ въ ст. 61 пол. о зем. нач. и что въ данномъ случаѣ земскій начальникъ подвергъ мѣщанку Герасимову взысканію по ст. 61, тогда какъ Герасимова не могла быть обвинена въ неисполненіи его законнаго требованія уже потому, что она никакого требованія, законнаго или произвольнаго, къ ней не предъявляла». Затѣмъ, 23-мя сенаторами признано было неправильнымъ принятіе уѣзднымъ съѣздомъ къ своему разсмотрѣнію жалобы по этому дѣлу. Поэтому же, постановленія какъ земскаго начальника, такъ и съѣзда они полагали отиѣнить. По выслушаніи согласительнаго ордера министра юстиціи, и въ общемъ собраніи сената не составилось узаконеннаго большинства (двухъ третей). Дѣло внесено было тогда въ государственный совѣтъ, гдѣ, согласно съ приведеннымъ заключеніемъ 23 сенаторовъ, и послѣдовало Выс. утв. 22-го апрѣля 1896 г. мѣнѣе: «постановленіе земскаго начальника 2-го участка Солигалическаго уѣзда отъ 12-го ноября 1890 г. объ оштрафованіи мѣщанки Герасимовой, и опредѣленіе солигалическаго уѣзднаго съѣзда отъ 9-го января 1891 г., состоявшееся по жалобѣ Герасимовой на сіе постановленіе, отиѣнить». Горемыкинъ, «Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учреждений по крестьянскимъ дѣламъ», изд. 3, 1898 г., т. I, ч. I, стр. 733—736.

¹⁾ Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной комиссіи. Приложение къ № 9 «Журнала Министерства Юстиціи» за сентябрь 1895 г.

къ умноженію «ябеды»? При этой наклонности, которая—якобы—«страшно развивается», не окажутся-ли земскіе ходатаи въ настоящей осадѣ отъ сутяжничающаго населенія, не станутъ-ли отказы ихъ самихъ писать жалобы и прошенія «ябедникамъ» и «сутягамъ» — предметомъ новыхъ жалобъ? Да и легко-ли отличить «неосновательное» дѣло отъ «основательнаго»,—«сутягу» отъ гражданина «благонамѣреннаго?»

Съ другой стороны, въ какомъ отношеніи находятся подобные земскіе проекты къ общему кругу задачъ земства и дѣлъ, предоставленныхъ его вѣдѣнію? Въ Полтавской губерніи постановленіе лохвицкаго уѣзднаго земскаго собранія по этому предмету опротестовано ¹⁾. Въ настоящее-же время цѣлый рядъ земскихъ собраній обсуждаетъ предположенія объ оказаніи юридической помощи населенію. Именно теперь этотъ вопросъ становится животрепещущимъ, получающимъ самую разнообразную постановку. Проекты могутъ увеличиться. При признаніи-же губернаторскаго протеста правильнымъ въ сенатѣ, гдѣ въ настоящее время находится дѣло лохвицкаго уѣзднаго земскаго собранія, — движеніе можетъ замереть, остаться въ области предположеній... Какъ-же слѣдуетъ относиться къ настоящему движенію въ земствѣ, къ поводамъ, его породившимъ, къ проектируемымъ способамъ и средствамъ разрѣшенія задачи, признаваемой земствомъ своею?

Всѣ эти вопросы можно было бы, разумѣется, легко разрѣшить въ общей формѣ, на общихъ теоретическихъ основаніяхъ. И при обыкновенныхъ условіяхъ, достаточно было-бы такого способа ихъ разрѣшенія. Но какъ покончить съ указаніями на «страсть» крестьянъ къ сутяжничеству, къ ябедѣ? Они сдѣланы въ формѣ весьма категорической. Общими соображеніями ихъ не устроишь. Отвѣтомъ на нихъ могутъ быть лишь иллюстраціи,—голоса самой жизни.

Но, скажутъ намъ, такіе голоса есть уже. Если непремѣнные члены и исправники, на которыхъ сослался В. Пругавинъ, не всѣми могутъ быть признаны свидѣтелями достаточно безпристрастными, — то, вѣдь, «въ одинъ голосъ» съ ними говорятъ «всѣ»—и въ томъ числѣ «частные изслѣдователи...» Какже тутъ быть?

Къ счастью, частныхъ изслѣдователей, достойныхъ этого имени, которые обнаруживали-бы по настоящему предмету столь трогательное единогласіе съ непремѣнными членами, исправниками и земскими начальниками,—нѣтъ и не было. В. С. Пругавинъ совершенно напрасно сослался на нихъ. Никого онъ тогда не назвалъ,—да и не могъ назвать. Его «частные изслѣдователи», обвиняющіе народъ въ страсти къ сутяжничеству, остались миеомъ. Онъ самъ не принадлежитъ къ числу такихъ изслѣдователей. Нигдѣ отъ себя онъ не утверждалъ, что крестьян-

¹⁾ «Биржевыя Вѣдомости», изд. 2, № 265 за 1897 г.

ство одержимо страстью къ сутяжничеству и ябедѣ. Да не такъ онъ и относится къ народу, чтобы утверждать это. «Частныхъ изслѣдователей», которые утверждали бы существованіе въ народѣ такой «страсти»,—не появилось и со времени выхода упомянутой книги В. С. Пругавина. В. С. Пругавинъ остается съ непремѣнными членами и мировыми посредниками. Онъ могъ-бы сослаться теперь еще только на земскихъ начальниковъ. Но это—свидѣтели, дѣятельность которыхъ какъ разъ и вызываетъ жалобы и даетъ пищу деревенскимъ адвокатамъ. Они — лица прямо заинтересованныя. Въ ихъ интересахъ утверждать, что народъ—сутяга и ябедникъ, и что его нужно окончательно лишить права жалобы на свое начальство, подобно тому какъ онъ былъ лишенъ «въ доброе старое время» права и возможности жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Въ ихъ интересахъ и утверждать, что собственно деревенскіе адвокаты «деморализуютъ» народъ и разоряютъ его, что имъ нѣтъ другого имени, кромѣ «аблакатовъ», «ключкотворовъ», «півовкъ», и что ихъ нужно стереть съ лица земли.

Коль скоро же мы знаемъ, кто выступаетъ съ обвиненіями противъ народа въ сутяжничествѣ,—то этимъ облегчается наша дальнѣйшая задача иллюстрировать юридическую беспомощность крестьянъ, указать, «кто сутяга». Не нужно опровергать частныхъ изслѣдователей, на что потребовалось-бы много времени, усилій, доказательствъ. Небольшая иллюстрація послужитъ лучшимъ, чѣмъ общее указаніе, отвѣтомъ и на то, какъ нужно понимать единственныхъ свидѣтелей противъ народа, обвинителей его въ сутяжничествѣ. Она же оживитъ и общія соображенія по вопросу объ юридической беспомощности крестьянъ,—и укажетъ на такія стороны положенія ихъ, которыя заслуживаютъ особаго, самаго пристальнаго вниманія. А это тѣмъ болѣе кстати, что онѣ остаются въ тѣни, требуя надлежащаго освѣщенія именно теперь, при происходящемъ пересмотрѣ законовъ о крестьянахъ, и при наблюдающихся признакахъ усиленнаго обѣднѣнія народа. Обѣднѣніе народа, несомнѣнно, находитъ себѣ здѣсь извѣстное объясненіе.

I.

Много «дѣлъ» среди крестьянъ. Нѣтъ крестьянскаго двора, въ которомъ не было-бы какого-нибудь дѣла, угнетающаго его обитателей въ большей или меньшей степени. Нерѣдки дѣла, много-много лѣтъ держація заинтересованныхъ лицъ въ крайне напряженномъ состояніи. Вращаются они обыкновенно въ кругу мѣстныхъ установленій. Но при этомъ они тянутся долго, разрѣшаются медленно и не одинъ разъ возвращаются въ одно и то же установленіе.

Понятно, какъ плачевно должно все это отражаться на благосостояніи крестьянина. Но этого мало. Дѣла, сплошь и рядомъ возникающія у

крестьянина, нерѣдко разбиваютъ все его существованіе. Они приводятъ его не только въ полное разореніе, но доводятъ иногда, въ концѣ концовъ, до сумасшествія. Отъ нихъ сильнѣйшимъ образомъ страдаетъ и личность крестьянина, его душа. Обратимъ на это вниманіе, прежде всего, — ибо тамъ, гдѣ страдаетъ личность, тамъ нѣтъ и экономическаго преуспѣянія, тамъ и имущественное банкротство. Притомъ эта сторона затрогиваемаго вопроса бросаетъ свѣтъ и на то отношеніе, въ которомъ должно находиться земство къ дѣлу подачи населенію юридической помощи.

Откуда-же возникаютъ крестьянскія дѣла, несомнѣнно оказывающія и такое влияніе на душевное состояніе крестьянина, — и какъ они текутъ? Какова ихъ фактическая и юридическая обстановка? На эти вопросы нѣкоторый отвѣтъ можетъ дать нижеслѣдующее дѣло, весьма ярко освѣщающее юридическую безпомощность крестьянства.

II.

4-го іюня 1893 года волостной судъ рѣшилъ въ пользу крестьянки Титовой дѣло о небольшомъ—до 400 кв. саж.—участкѣ усадебной земли,—дѣло, возникшее между нею и сосѣдомъ ея, Бѣлавинымъ. Рѣшеніе было основано на мѣстномъ осмотрѣ, произведенномъ составомъ волостнаго суда. Оно было обжаловано Бѣлавинымъ.—Но и уѣздный съѣздъ оставилъ это рѣшеніе въ силѣ. Дальнѣйшаго обжалованія не послѣдовало.

Прошелъ почти годъ. Казалось-бы, споръ кончился навсегда. Какъ-бы дѣло ни было рѣшено, — но рѣшеніе вступило въ законную силу, приобрѣло безусловное значеніе для частныхъ лицъ и представителей власти. Слѣдовало привести его въ исполненіе. Но такъ какъ спорная земля находилась во владѣніи Титовой, то она объ этомъ не просила. По имѣвшимся—хотя едва-ли основательнымъ — разъясненіямъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, о приведеніи въ исполненіе вошедшаго въ законную силу рѣшенія суда долженъ былъ распорядиться самъ старшина,—и безъ ея просьбы. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ сдѣлалъ нѣчто другое... 2-го мая 1894 года старшина явился въ деревню съ мѣстнымъ сельскимъ старостою и, подъ предлогомъ «введенія Бѣлавина во владѣніе огуменной и загородной землей», имъ купленной,—«произвели измѣреніе всей огуменной земли, находящейся въ пользованіи Титовой ¹⁾». Эти осмотры и измѣренія дали нѣсколько иные результаты, чѣмъ осмотръ и измѣреніе, произведенные волостнымъ судомъ. Старшина нашелъ, что у Титовой есть «лишняя» земля; что излишекъ составляетъ именно тотъ участокъ, о которомъ шелъ и закончился споръ между Титовой и Бѣла-

¹⁾ Цитируется копія жалобы самого Бѣлавина на рѣшеніе волостнаго суда.

винимъ, и что этотъ участокъ долженъ принадлежать Бѣлавиному. Что было дѣлать Бѣлавиному, человѣку простому, при такихъ условіяхъ? Можно ли было требовать отъ него признанія, что дѣйствія старшины, хотя и произведенныя по его просьбѣ, незаконны, и что ими рѣшеніе суда поколеблено быть не можетъ? Конечно, нѣтъ. И мы не осудимъ его слишкомъ строго за то, что онъ началъ новый искъ,—объ изъятіи изъ владѣнія Титовой отчужденнаго уже отъ него участка усадебной земли. Но судъ вновь—17 мая 1894 года—рѣшилъ дѣло въ пользу Титовой. Рѣшеніе было обжаловано Бѣлавинымъ. Но и сѣздъ оставилъ это рѣшеніе въ силѣ. Дальнѣйшаго обжалованія также не послѣдовало.

Опять рѣшеніе вошло въ законную силу. Казалось-бы, хотя теперь, слѣдовало признать его безусловность и подчиниться ему. Но въ слѣдующемъ году измѣнился составъ волостного суда. Предсѣдателемъ сдѣлался родной братъ волостного старшины, принявшаго близко къ сердцу это дѣло и какъ-бы считавшаго, что онъ лично проигралъ его. Значеніе самого старшины усилилось, вслѣдствіе особой близости, возникшей у него къ новому земскому начальнику. И вотъ, дѣло вновь оказалось на разсмотрѣніи волостного суда. На сей-же разъ, въ іюнѣ 1895 года, оно было и рѣшено иначе: земля была присуждена Бѣлавиному. Старшина поспѣшилъ привести рѣшеніе и въ исполненіе. Немедленно, послѣ того какъ состоялось рѣшеніе, не дожидаясь истеченія 30-дневнаго срока на обжалованіе, которымъ Титова, конечно, должна была воспользоваться, онъ прислалъ ей собственноручный «приказъ» слѣдующаго содержанія, воспроизводимый во всей его неприкосновенности, со всею точностью: «Крестьянкѣ д. Власова, Палагѣ Титовой симъ приказываю тѣбѣ не травить гумно своей лошадей присужденное судомъ Дмитрію Бѣлавиному, купленное имъ у Дряхлова. До окончательнаго рѣшенія Господина земскаго начальника за ослушаніе будешь мною привлечена къ ответственности». Титова принесла жалобу на рѣшеніе волостного суда. 11-го августа 1895 года сѣздъ отмѣнилъ это рѣшеніе, принявъ во вниманіе, что по тому-же самому предмету и между тѣми-же самыми лицами состоялось уже два рѣшенія волостного суда, вошедшія въ законную силу. Въ копіи съ мотивированнаго рѣшенія сѣзда, какъ-бы замѣнявшей исполнительный листъ, были при этомъ употреблены слова, значущіяся въ предписанной закономъ общимъ судебнымъ мѣстамъ формѣ исполнительнаго листа: «Всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, до какихъ сіе можетъ относиться, исполнять въ точности настоящее рѣшеніе, а властямъ мѣстнымъ, полицейскимъ и военнымъ, оказывать исполняющимъ рѣшеніе надлежащее по закону содѣйствіе, безъ малѣйшаго отлагательства».

Казалось-бы, дѣлу наступилъ рѣшительный конецъ?

Увы! Приведенныя слова сѣзда оказались настоящей насмѣшкой надъ тѣмъ, что произошло дальше, на слѣдующее лѣто, когда земля, о

которой шла рѣчь, допускала возможность извлеченія изъ нея нѣкоторой пользы.

Весною 1894 года Титова получаетъ слѣдующій новый собственно-ручной «приказъ» волостного старшины, адресованный хотя не ей, но врученный ей непосредственно,—потому, очевидно, что лицо, которому «приказъ» былъ адресованъ, затруднялось его исполнить: «Полицейскому десятскому д. Власова. Симъ приказываю тѣбѣ выслать въ волосное правленіе крестьянку дер. Власова Палагью Титову въ понедельникъ 5 сентября къ 10 часамъ утра для объясненія». «Объясненіе» состояло въ томъ, чтобы Титова не ставила огорода на присужденной ей землѣ и не копала грядъ, что самъ земскій начальникъ пріѣдетъ «перемѣрять» у нея землю...

— Жди!—сказалъ ей старшина.

Она и стала ждать. Однако, и огородъ поставила, и грядъ накопала: такъ было укрѣплено въ ней тремя рѣшеніями сознание своего права. Вскорѣ былъ назначенъ и день пріѣзда въ деревню земскаго начальника. Въ этотъ день никому и никуда не приказано было отлучаться. Въ разгаръ сѣнокоса (24 іюня) крестьяне сидѣли дома.

Земскій начальникъ пріѣхалъ, произвелъ перемѣръ усадьбы Титовой, и какъ разъ даже отмѣрилъ отъ нея тотъ участокъ, который былъ ей троекратно присуждаемъ судомъ. Новыя границы были отмѣчены постановкою особыхъ знаковъ—«тычковъ». Такъ совершенно неожиданно и необычайно было приведено въ исполненіе рѣшеніе судебного мѣста, три раза входившее въ законную силу. Въ виду-же этого, Бѣлавинъ скопилъ траву съ «отсужденнаго» уже теперь въ его пользу участка. Понятно отчаяніе и возмущеніе несчастной женщины. Въ довершеніе всего, ея адвокатъ, крестьянинъ сосѣдней деревни, былъ такъ запуганъ, что не рѣшился вести дѣло дальше. Титовой пришлось обратиться къ другому деревенскому и болѣе дорогому адвокату ¹⁾. По жалобѣ, написанной послѣднимъ, дѣло объ обстоятельствахъ, происшедшихъ въ дер. Власово 24-го іюня, разбиралось 18-го октября 1896 года въ административномъ присутствіи мѣстнаго уѣзднаго съѣзда.

Какъ видно будетъ ниже изъ постановленія съѣзда, рѣчь шла явно о преступленіи по должности, совершенномъ волостнымъ старшиною и земскимъ начальникомъ,—именно о превышеніи власти ²⁾. Жалоба должна

¹⁾ Этотъ новый адвокатъ Титовой—потомственный дворянинъ, и одна принадлежность его къ привилегированному сословію даетъ ему огромныя «преимущества»: ему нельзя говорить «ты», нельзя подвергать его наказанію въ дисциплинарномъ порядкѣ, нельзя рвать его бумаги. Такими «преимуществами» не пользуются мѣстные адвокаты изъ крестьянъ. Составляя бумаги, они даютъ, поэтому, переписывать ихъ другимъ.

²⁾ Ст. 338 уложенія о наказаніяхъ.

Кн. 5. Отд. 1.

была, поэтому, быть подана въ губернское присутствіе ¹⁾. Но адвокатъ, по незнанію, направилъ ее въ уѣздный сѣздъ. Въ свою очередь, уѣздный сѣздъ принялъ жалобу къ своему разсмотрѣнію. Такова практика, установившаяся здѣсь. Она должна быть и широко распространенною. Уѣздные сѣзды сознательно принимаютъ на себя разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ,—превышаютъ свою власть. Почему? Это въ интересахъ земскихъ начальниковъ, составляющихъ въ административномъ присутствіи сѣзда большинство. Въ самомъ дѣлѣ, быть судимымъ коллегіей, равноправнымъ членомъ которой состоишь, лучше, чѣмъ начальствомъ, которому подчиненъ. Товарищи отнесутся къ неправильному дѣянію легче, деликатнѣе. Дѣло-же, можетъ быть, дальше и не пойдетъ. Въ уѣздномъ сѣздѣ можно даже принять участіе по собственному дѣлу. Засѣданія административнаго присутствія, хотя и противозаконно, непубличны. Происходятъ они въ обстановкѣ патриархальной. Притомъ есть разъясненіе: «Въ разрѣшеніи уѣзднымъ сѣздомъ административныхъ дѣлъ земскій начальникъ можетъ участвовать и въ тѣхъ случаяхъ, когда сѣздомъ разсматривается жалоба на постановленіе самого начальника, ибо такое участіе, не воспрещаемое закономъ, не можетъ вызвать на практикѣ неудобствъ, въ виду характера подлежащихъ обсужденію сѣзда административныхъ дѣлъ и состава присутствія, въ которомъ, согласно ст. 171 пол. о зем. нач., участвуютъ всѣ земскіе начальники» ²⁾.

Засѣданіе сѣзда, 18-го октября 1896 г., по жалобѣ Титовой, состоялось, однако, безъ участія земскаго начальника; по крайней мѣрѣ, онъ не упоминается въ постановленіи сѣзда ³⁾. Но оно происходило подъ предсѣдательствомъ одного земскаго начальника и при участіи другого, равно при участіи предсѣдателя уѣздной земской управы. Земскіе начальники составили большинство. Конечно, они не могли, ни фактически, ни юридически, обнаружить особой строгости къ провинившемуся собрату. Однако, въ общемъ, сѣздъ, хотя не могъ установить и не установилъ отвѣтственность для лицъ, совершившихъ преступленіе по должности, но за то точно установилъ обстоятельства дѣла и облегчилъ квалификацію дѣянія земскаго начальника и волостного старшины. Наличность превышенія власти была установлена съ несомнѣнностью, на основаніи объясненій самого земскаго начальника.

Тѣмъ не менѣе, уѣздный сѣздъ не прекратилъ дѣла у себя, и нашелъ возможнымъ разрѣшить его самостоятельно. Сѣздъ разсудилъ, что «земскимъ начальникомъ земля отъ Титовой не отбиралась, а только были поставлены тычки на ея землѣ и этимъ дѣйствіемъ земскаго на-

¹⁾ Пол. о зем. нач., ст. 135.

²⁾ Сборникъ узаконеній о крест. и судеб. учрежденіяхъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., изд. 5, ст. 171.

³⁾ Это лучшее указаніе на свойство приведеннаго разъясненія.

чальника права Титовой на землю нисколько не нарушены». Что-же касается до самовольнаго скошенія Бѣлавинымъ травы съ этой земли, на что Титова именно указывала, какъ на послѣдствіе производившихся земскимъ начальникомъ измѣреній, то «предложить ей обратиться въ подлежащій судъ по цѣнѣ иска»,—постановлялъ сѣздъ, оставляя въ заключеніе жалобу ея «безъ послѣдствій».

Итакъ, по крайней мѣрѣ, по поводу «самовольно скошенной травы» Титовой предоставлено было право обратиться съ жалобой «въ подлежащій судъ, по цѣнѣ иска», хотя права ея якобы и «нисколько не нарушены». Титова вскорѣ и предъявила Бѣлавину въ волостномъ судѣ искъ въ 5 рублей. Но ей было въ немъ отказано 25-го февраля 1897 года. Жалоба-же ея не была передана земскимъ начальникомъ въ сѣздъ, что было явно неправильно, ибо тогда уже состоялся законъ 22-го апрѣля 1896 года, установившій совершенно точно обязательность для земскаго начальника передачи въ сѣздъ жалобъ по дѣламъ, по которымъ послѣдовалъ отказъ въ искѣ на всякую сумму. Насмѣшкою надъ Титовой послужило, такимъ образомъ, и предоставленіе ей сѣздомъ права иска «въ подлежащемъ судѣ». Судебная защита для крестьянъ обставлена слишкомъ своеобразно, и пользованіе ею зависитъ еще отъ начальства, такъ что одно можетъ ее предоставлять, а другое въ ней отказывать.

Казалось бы, можно было ожидать, что изъ производства дѣла въ сѣздѣ земскій начальникъ убѣдится, по крайней мѣрѣ, въ неправильности собственныхъ дѣйствій,—и если онъ невольно ошибался до сихъ поръ, то потомъ не повторитъ ошибки, и вмѣстѣ съ тѣмъ удержитъ отъ дальнѣйшихъ ошибокъ волостного старшину. Но безнаказанность приводитъ какъ разъ къ обратнымъ слѣдствіямъ. При ней можно не сознавать и явную ошибку, и не только не дѣйствовать потомъ осмотрительнѣе, но наоборотъ,—поступать еще смѣлѣе, проявлять еще больше произвола. Такъ, по крайней мѣрѣ, произошло здѣсь.

Осенью—24 ноября 1896 г.—въ деревню вновь пріѣхалъ старшина и собралъ домохозяевъ. Мужъ Титовой былъ дома, и явился самъ.

— Вотъ мы будемъ мѣрять,—заявилъ старшина.

— На какомъ же основаніи?—спросили его.

— По словесному приказанію земскаго начальника,—торжественно объяснилъ онъ.

Крестьяне въ недоумѣніи. Молчаніе. Его прерываетъ Титовъ.

— Нѣтъ, вы намъ вычитайте бумагу,—говоритъ онъ. Какъ по словесному приказанію? Развѣ это можно?! Вычитайте бумагу,—да тогда и мѣрятьте.

Но прежде нежели сосѣди успѣли поддержать Титова въ его справедливомъ требованіи, старшина уже произнесъ свой «приговоръ»:

— А,—такъ ты сопротивляться властямъ! Составь на него прото-

коль!—приказалъ онъ писарю,—и обратившись вновь къ Титову, сказалъ: Высидишь семь сутокъ!..

Старшина не можетъ подвергать подвѣдомственныхъ крестьянъ «за маловажные полицейскіе проступки», въ дисциплинарномъ порядкѣ, аресту на семь сутокъ; онъ можетъ приговаривать къ аресту въ такомъ порядкѣ, только въ предѣлахъ двухъ сутокъ. Но онъ надѣялся, что земскій начальникъ самъ накажетъ Титова семидневнымъ арестомъ по его протоколу. Однако, 28 апрѣля 1897 г. онъ долженъ былъ сдѣлать слѣдующее (формулированное писаремъ) постановленіе,—очевидно, не добившись черезъ земскаго начальника присужденія Титова къ аресту на семь сутокъ: «Имѣя въ виду, что составленный свой актъ 24 ноября 1896 г., въ деревнѣ Власовѣ, объ ослушаніи крестьянина Титова участвовать при уравнианіи усадебныхъ мѣстъ въ означенномъ селеніи въ силу личного приказанія господина земскаго начальника, нынѣ уже отъ него возвращенъ при предписаніи его отъ 4—21 апрѣля за № 326, съ разъясненіемъ при этомъ закона и порядка привлеченія къ отвѣтственности не подчиняющихся лицъ, нахожу, что дѣйствія крестьянина Титова подпадаютъ подъ категорію отвѣтственности 86 ст. Общ. Пол., постановилъ крестьянина Титова подвергнуть аресту на двое сутокъ, что объявить ему съ правомъ обжалованія сего въ семидневный срокъ господину земскому начальнику».

Титова въ это время въ деревнѣ уже не было. Онъ былъ на промыслѣ въ Петербургѣ. При этомъ онъ былъ спокоенъ, такъ какъ на дѣйствія старшины, совершенныя 24 ноября 1896 года, подана была жалоба; въ явной неправильности этихъ дѣйствій онъ былъ убѣжденъ и считалъ себя недосыгаемымъ для «акта». Но вдругъ его потребовали въ участокъ. Что такое? Пошелъ... Здѣсь ему объявили, что онъ присужденъ старшиной къ двухдневному аресту и что ему нужно отправляться домой для того, чтобы «высидивать» этотъ срокъ при волостномъ правленіи. Нужно было бросать дѣло. Титовъ — въ понятномъ отчаяніи. На несчастную жену посыпался градъ писемъ. Начались усиленныя хлопоты, съ помощью адвоката. Жалѣть денегъ не приходилось. Однако скоро Титова позвали въ участокъ вторично, съ тѣмъ же объявленіемъ. Отчаяніе его было велико. Къ счастью, вскорѣ—19-го мая 1897 г.—послѣдовало рѣшеніе съѣзда по жалобѣ его на старшину. Копія этого рѣшенія была тотчасъ переслана имъ въ участокъ. Полицейскія власти, видимо, затруднились... высылкою челоуѣка, для того, чтобы онъ могъ «высидѣть» «двой сутки» въ арестномъ помѣщеніи волостнаго правленія за шестьсотъ верстъ отъ Петербурга. Хотя рѣшеніе съѣзда отъ 19-го мая 1897 года вовсе не касалось вопроса объ арестѣ,—тѣмъ не менѣе, Титовъ былъ оставленъ въ покоѣ. ¹⁾

¹⁾ Недавно въ печати было обращено вниманіе на то, какъ дорого можетъ

Итакъ, Титовъ былъ присужденъ волостнымъ старшиною къ аресту въ то самое время, когда въ сѣздѣ готовилось къ докладу дѣло по жалобѣ на дѣйствія старшины, совершенныя 24 ноября 1896 г., когда отъ старшины и земскаго начальника требовались объясненія и имъ предоставлено было убѣдиться въ неправильности своихъ дѣйствій. Въ то же самое время старшина обрушивается двумя новыми постановленіями надъ его женою. Вотъ первое: «Актъ 1897 г. апрѣля 22 дня, вслѣдствіе заявленія крестьянина Бѣлавина о томъ, что односельная крестьянка Титова оспариваемое ею гумно принадлежавшее крестьянину Дряхлову и пріобрѣтенное Бѣлавинымъ огораживаетъ огородомъ, которое Титова признаетъ своимъ родовымъ,—я, волостной старшина, пригласивъ Титову въ помѣщеніе правленія и имѣя въ виду, что вопросъ въ спорѣ этого дѣла еще не оконченъ и находится на разсмотрѣніи начальства, постановилъ предупредить Титову въ пріостановленіи ею обнести огородомъ гумно и копать гряды въ загородѣ, впредь до окончанія рѣшенія настоящаго дѣла, за неисполненіе чего Титова подвергается отвѣтственности по закону».

Старшина, такимъ образомъ, продолжалъ не признавать рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу, которыя ему нужны было уже три раза привести въ исполненіе. Отказъ земскаго начальника въ передачѣ жалобы Титовой въ сѣздъ на рѣшеніе волостного суда, не присудившаго убытковъ съ Бѣлавина,—очевидно, подкрѣплялъ старшину. Дѣло представлялось ему «спорнымъ», хотя въ производствѣ были лишь жалобы на дѣйствія его и земскаго начальника,—на дѣйствія, отчасти признанныя сѣздомъ неправильными. Понятно, однако, что Титова не могла

стоять крестьянину тѣлесное наказаніе: для того, чтобы подвергнуться этому наказанію, онъ долженъ путешествовать за тысячи верстъ этапнымъ порядкомъ въ свое волостное правленіе. Приводилось, между прочимъ, г. Абрамовымъ въ «Сынѣ Отечества» цѣликомъ и постановленіе кievскаго губернскаго присутствія по этому вопросу, признававшего, что изъ «неземскихъ» губерній (т. е., изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ нѣтъ земскихъ начальниковъ) крестьяне не должны быть высылаемы для отбытія тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ осталось непровергнутымъ, что изъ «земскихъ» губерній это слѣдовало дѣлать. Съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе не было обращено вниманія на то, что, какъ это мы видимъ въ дѣлѣ Титова, требуютъ крестьянъ въ свое волостное правленіе и для отбытія ареста по постановленіямъ волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и земскихъ начальниковъ, дѣлаемымъ въ въ административномъ порядкѣ. Вообще, года четыре печать говоритъ о тѣлесномъ наказаніи и о необходимости его отмѣнить и не обращаетъ вниманія на многія другія стороны положенія крестьянъ, вызывающія тѣ же возраженія, допускающія примѣненіе къ себѣ тѣхъ же соображеній, которыя высказываются по поводу тѣлеснаго наказанія. Тѣмъ временемъ, какъ видно изъ «Свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ», нѣкоторыя губернскія совѣщанія проектируютъ усиленіе дисциплинарной власти старшинъ, старостъ и земскихъ начальниковъ.

согласиться съ нимъ. По ея мнѣнію, дѣло было окончательно рѣшено три раза и она могла бы пользоваться тѣмъ, что находилось въ ея владѣніи даже и тогда, когда на самомъ дѣлѣ, какимъ-либо образомъ, дѣло было-бы превращено въ спорное. Это она тотчасъ, выслушавъ приведенное постановленіе, и выразила,—подкрѣпивъ свои слова ссылкой на постановленіе сѣзда. Но, не внемля ничему, тотчасъ же, старшина сдѣлалъ постановленіе: «1897 года, апрѣля 22 дня, я, волостной старшина, имѣя въ виду, что Титова, несмотря на составленный сего числа актъ объ предупрежденіи ея обнести огородомъ оснашиваемое гумно и копать гряды въ огородѣ, купленныхъ Бѣлавинымъ въ виду неокончанія разбирательства сего дѣла у начальства,—прямо въ моемъ присутствіи, при исполненіи мною служебныхъ обязанностей этому не подчиняется, отзываясь, что будто бы дѣло окончено и вообще вела себя въ помѣщеніи правленія крайне неблагопристойно, нарушая своимъ крикомъ тишину и порядокъ. Постановилъ: на основаніи 64 и 86 статей Общ. Пол. Титову выдержать подъ арестомъ двои сутки, что и объявить съ правомъ обжалованія сего въ семидневный срокъ г. земскому начальнику».

Представьте себѣ положеніе несчастной женщины, которой, одновременно, пришлось хлопотать о томъ, чтобы отклонить «сидѣнье» подъ арестомъ и отъ себя, и отъ мужа.

Такъ какъ дѣйствія старшины, совершенныя 24 ноября 1896 года, были основаны на «личномъ словесномъ приказаніи земскаго начальника», то составитель жалобы, принесенной Титовымъ, назвалъ свою бумагу «жалобою на неправильное распоряженіе земскаго начальника и на дѣйствія волостнаго старшины, основанныя на томъ распоряженіи». Жалоба эта была подана въ уѣздный сѣздъ и была принята имъ къ своему разсмотрѣнію. Но несомнѣнно, что она подлежала разсмотрѣнію губернскаго присутствія. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь шла о неправильныхъ дѣйствіяхъ по службѣ старшины, прежде всего. Жалобы же на дѣйствія должностныхъ лицъ волостного и сельскаго правленія разрѣшаются земскимъ начальникомъ, причемъ за маловажные поступки онъ можетъ подвергать ихъ дисциплинарному взысканію; въ случаѣ же, ежели проступки ихъ облагаются, по закону, вышею мѣрою наказанія, чѣмъ какая ему предоставлена, онъ входитъ въ уѣздный сѣздъ съ представленіемъ о совершенномъ увольненіи или о преданіи ихъ суду¹⁾. Но здѣсь дѣйствія старшины основаны были на распоряженіи земскаго начальника. Если старшина совершилъ служебное преступленіе, то такое же преступленіе совершилъ и земскій начальникъ, и наоборотъ, если не совершилъ служебнаго преступленія земскій начальникъ, отдавъ собственною властью извѣстное приказаніе, то и старшина не совершилъ его, поступивши

¹⁾ Статья 28 и 62 пол. о зем. нач.

согласно этому распоряженію. Но разбирать вопросъ о служебной отвѣтственности земскаго начальника можетъ лишь губернское присутствіе ¹⁾. Только оно могло разбирать въ данномъ случаѣ и вопросъ объ отвѣтственности волостного старшины, по тѣсной связи между его дѣйствіями и дѣйствіями земскаго начальника. Нельзя же было предоста-вить земскому начальнику, отдавшему неправильное распоряженіе, судить объ отвѣтственности старшины, исполнявшаго это распоряженіе. Одно учрежденіе должно было предварительно разсматривать дѣянія обоихъ, подобно тому какъ они должны были быть и преданы суду одного и того же судебного мѣста. Жалоба могла быть подана губернатору. Притомъ послѣдній могъ войти, опять-таки, въ губернское присутствіе съ соотвѣтственнымъ представленіемъ о возбужденіи отвѣтственности должностныхъ лицъ, совершившихъ служебныя преступленія. Отсюда же дѣло могло перейти къ министру внутр. дѣлъ,—и именно должно было перейти.

Такъ или иначе, съѣздъ, какъ сказано, принялъ жалобу къ своему разсмотрѣнію и разрѣшилъ ее въ засѣданіи 19 мая 1897 г. «Признавая актъ о перемѣркѣ огуменной усадебной земли,—постановилъ при этомъ съѣздъ—составленный 24 ноября 1896 г. старшиною, *основаннымъ на неправильномъ пониманіи закона и своихъ обязанностей старшиною*,—такъ какъ, согласно статьѣ 15 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, споры и тяжбы между лицами подвѣдомственными волостному суду, подлежатъ вѣдѣнію сего суда, а не какихъ-либо административныхъ лицъ,—*дѣйствія старшины признаны неправильными и постановленіе помянутого акта необязательнымъ*».

Какъ были, такимъ образомъ, охарактеризованы дѣйствія волостного старшины? Очевидно, какъ превышеніе власти. Указаны именно всѣ признаки подобнаго должностнаго преступленія: волостной старшина выступилъ «изъ предѣловъ и круга дѣйствій, которыя предписаны ему, по его званію»; присвоивъ себѣ право, ему не принадлежащее, онъ самовольно рѣшилъ дѣло, отнесенное ясно и точно къ вѣдомству волостного суда ²⁾. Въ дѣйствіяхъ его были, очевидно, и увеличивающія именно эту вину обстоятельства,—такъ какъ дѣло, которое онъ самовольно рѣшилъ, было уже три раза на разсмотрѣніи судебной власти; вмѣсто того, чтобы привести въ исполненіе законное рѣшеніе, онъ опровергъ его. Этимъ же самымъ онъ попускалъ (и какъ мы увидимъ ниже, попустилъ) самоуправство со стороны частнаго лица,—и, сдѣлавъ это явно, подвергалъ себя высшей мѣрѣ отвѣтственности, полагающейся за превышеніе власти. Но если таковы были дѣйствія старшины, то и распоряженіе земскаго начальника, на которомъ онъ основывался, также явно состав-

¹⁾ Статья 135 пол. о зем. нач.

²⁾ Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 338.

ляло превышеніе власти. Тѣмъ не менѣе, сѣздъ не только не сдѣлалъ постановленія о преданіи волостного старшины суду, — но не подвергъ его и какому-либо, хотя бы незначительному, административному взысканію. При этомъ, на разсмотрѣніи сѣзда не было состоявшагося незадолго передъ тѣмъ постановленія старшины отъ 22 апрѣля 1896 года относительно арестованія на два дня Титова за то, что этотъ послѣдній усумнился въ правильности его дѣйствій, — теперь уже признанныхъ неправильными, — за то, что онъ требовалъ, чтобы старшина представилъ письменное распоряженіе земскаго начальника относительно перемѣра усадебъ. Старшина не присуждается къ какому-либо взысканію. Но какъ же Титовъ? Не будетъ-ли еще онъ вызванъ на родину для отбытія двухдневнаго ареста? Не напрасно-ли онъ успокоился? Не напрасно-ли остановились высылкою его изъ Петербурга полицейскія власти, основываясь лишь на разсмотрѣнномъ постановленіи сѣзда?

III.

Но будемъ рассказывать дальше.

17-го іюня 1897 г. явился въ деревню старшина для отвода мѣста Бѣлавину подъ постройку овина. По его требованію, собрались и всѣ домохозяева. Но Титова не явилась. Она только что вернулась изъ лѣсу, усталая и больная, и идти на сходъ было ей затруднительно. Въ то же время она не имѣла и полномочія отъ мужа заступать его мѣсто на сходахъ. При всемъ же томъ, придя уже въ крайнее раздраженіе и легко теряя самообладаніе, послѣ всего того, что пришлось пережить, она опасалась столкновенія со старшиною, — «акта», «протокола», «постановленія». Самая явка для отвода мѣста не была ни для кого обязательна. Это было дѣло одного старшины, и Титова не была чужда этого сознанія. Явка ея не была и необходима: мѣсто можно было отвести, и оно было отведено, — и безъ нея. Но старшина усмотрѣлъ въ неявкѣ Титовой ослушаніе и привлекъ ее къ отвѣтственности передъ волостнымъ судомъ, очевидно, не желая довольствоваться двухдневнымъ арестомъ, къ которому такъ легко было вновь присудить ее въ административномъ порядкѣ, собственною властью, въ виду полученнаго отъ земскаго начальника «разъясненія» закона по дѣлу ея съ мужемъ. Возникло новое «уголовное» дѣло.

Спустя дня два-три послѣ того, Титова скосила траву на участкѣ, изъ-за котораго горѣлъ «сыръ-боръ». Но, увы! воспользоваться травою она могла лишь отчасти: Бѣлавинъ съ двумя дочерьми перекидалъ большую часть сѣна къ себѣ. Между сторонами произошло при этомъ маленькое сраженіе. Титова и ея работникъ были побѣждены сильнѣйшимъ противникомъ. На ея крики «караулъ!» никто не успѣлъ придти на помощь.

Не будемъ опять судить строго Бѣлавина. Онъ могъ надѣяться, что ближайшее начальство будетъ за него? Не будемъ строго судить его и считать «сутягою» и за то, что онъ немедленно же предъявилъ къ Титовой искъ за скошенную траву въ размѣрѣ пяти рублей, хотя самъ же, большею частію, воспользовался ея работою. Вѣдь ближайшее начальство не переставало убѣждать его въ его «правахъ», вопреки всякимъ рѣшеніямъ и постановленіямъ судебныхъ и административныхъ властей. Если въ немъ проявилось «сутяжничество», то, вѣдь, при явно исключительныхъ обстоятельствахъ. И ужъ, во всякомъ случаѣ, было-бы неосновательно и не справедливо видѣть въ его лицѣ доказательство правильности взводимаго на крестьянъ обвиненія въ сутяжничествѣ.

Оба дѣла, гражданское и уголовное, разбирались въ одинъ день — 22-го іюля 1897 г. Титова не явилась. Разбирательство происходило злочно.

78583
Нужно-ли говорить, что искъ былъ присужденъ Бѣлавину? Могъ-ли иначе поступить судъ, кругомъ зависящій отъ земскаго начальника? Необходимо сказать только, что, какъ говорится въ рѣшеніи суда, скошенная трава потому именно была оцѣнена въ 5 рублей, что «оцѣнку эту—говорилось въ рѣшеніи суда—доказала сама Титова, при разборѣ подобнаго же дѣла въ засѣданіи волостного суда 25-го февраля 1897 г.», то есть—припомнимъ—тогда, когда она, по праву, предоставленному ей сѣздомъ, искала съ Бѣлавина убытки за скошенную имъ траву на томъ же участкѣ. Тогда ей было отказано, и самая жалоба ея не была передана въ сѣздъ земскимъ начальникомъ. Нынѣ же 5 рублей были съ нея присуждены въ пользу лица, отъ котораго была отсуждена именно эта земля.

Нужно-ли говорить, что въ желаемомъ для старшины смыслѣ и противъ нея окончилось и второе дѣло? Могъ-ли опять поступить иначе волостной судъ, хотя осудить ее было явно несправедливо? Можно-ли требовать достаточнаго гражданскаго мужества отъ судей-крестьянъ, поставленныхъ въ крайнюю зависимость отъ земскаго начальника?

Мало, однако, сказать, что Титова была приговорена къ семидневному аресту. Есть любопытныя подробности, излагаемая въ приговорѣ: «обвинитель, волостной старшина—говорится тутъ,—просилъ судъ приговорить Титову къ наказанію въ высшей мѣрѣ, какъ уже *известную своимъ характеромъ и бывающую постоянно въ судебныхъ мѣстахъ по своимъ тяжбамъ*». Итакъ, вотъ въ чемъ вина несчастной женщины. Она должна быть наказана за «страсть къ сутяжничеству». Какъ, въ самомъ дѣлѣ, осмѣливается она «бывать въ судебныхъ мѣстахъ по своимъ тяжбамъ», когда старшина съ земскимъ начальникомъ желаютъ разрѣшить ея дѣло по своему и «просто».

Совершенно согласно со старшиной показалъ явно услуживавшій

свидѣтель: «когда волостной старшина прибылъ для отвода мѣста подъ постройку овина, то Титова въ это время пріѣхала изъ лѣсу, вполне на видъ здоровая,—а что она не явилась, то я понимаю, что прямо отъ упорства и озорничества». Были еще двѣ свидѣтельницы. Онѣ — какъ говорится въ приговорѣ—«показаніе свидѣтеля вполне подтверждаютъ и дополнить кромѣ ничего не могутъ».

Приговоръ суда былъ кратокъ и характеренъ: «основываясь на показаніяхъ свидѣтелей и принимая во вниманіе, что Титова, какъ извѣстно суду, *постоянно обременяетъ судъ и правленіе своими тяжёбными дѣлами и вообще женщина сутяжная*, волостной судъ постановилъ: крестьянку Титову подвергнуть аресту при волостномъ правленіи на 7 сутокъ».

IV.

Обжалованіе приговоровъ и рѣшеній волостного суда 12 іюля 1889 г. обставлено такими правилами, которыя неизвѣстны ни одному судопроизводству: жалоба пишется на имя земскаго начальника и подается въ судъ, рѣшившій дѣло. Судъ передаетъ ее земскому начальнику. Но разсматривается жалоба, какъ вторую инстанцію, уѣзднымъ съѣздомъ, если, однако, земскій начальникъ найдетъ возможнымъ передать ее въ съѣздъ. По дѣламъ большей важности передача жалобъ на разсмотрѣніе съѣзда обязательна для земскаго начальника; по дѣламъ же меньшей важности онъ передаетъ жалобы въ съѣздъ лишь тогда, когда находитъ, что волостнымъ судомъ нарушены предѣлы его вѣдомства и власти, или же постановленъ приговоръ «явно неправосудный». Въ послѣднихъ случаяхъ земскому начальнику предоставляется передавать въ съѣздъ приговоры и безъ жалобы заинтересованныхъ лицъ¹⁾.

Предоставленіе крестьянину сколько-нибудь правильной судебной защиты зависитъ, слѣдовательно, въ значительной степени отъ земскаго начальника. Какъ ни нуждаются постановленія волостныхъ судовъ въ извѣстномъ коррективѣ, послѣдняго они часто, однако, могутъ не имѣть. Для обжалованія полагается тридцатидневный срокъ со дня объявленія приговора или рѣшенія. Но въ какой срокъ должны быть выдаваемы копии, по требованію сторонъ, — это не указано. Оттого онѣ иногда задерживаются и задерживаются безнаказанно, безъ юридической возможности для заинтересованнаго лица отстаивать свое право жаловаться на медленность выдачи копій.

Что удивительнаго, если при такихъ условіяхъ составитель жалобъ для Титовой на рѣшеніе и приговоръ волостного суда запоздалъ и за-

¹⁾ Временныя правила о волостномъ судѣ, ст. 20, 30 и 31 (въ редакціи закона 22 апрѣля 1896 г.).

путался: онъ направилъ обѣ жалобы непосредственно земскому начальнику. Повидимому, сдѣлано было такъ потому, что раньше это не влекло за собою вредныхъ послѣдствій, и жалобы, все-же, оказывались на разбирательствѣ сѣзда. Но теперь, какъ и слѣдовало ожидать, произошло нѣчто другое. Обѣ жалобы были возвращены съ одинаковою надписью на каждой: «вернуть какъ не въ порядкѣ поданную». Обратны были онѣ получены тогда, когда было уже поздно подавать ихъ «въ порядкѣ». Были весьма важныя безусловныя основанія для передачи жалобъ земскимъ начальникомъ отъ себя въ уѣздный сѣздъ: по рѣшенію было видно, что сторонамъ не было предложено примиреніе, и что одинъ свидѣтель показывалъ, а другіе только «подтверждали вполнѣ» его показаніе, слѣдовательно, находились тутъ-же, при его допросѣ; приговоръ-же, указывая, въ свою очередь, на подобный «порядокъ» допроса свидѣтелей, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно говорилъ, что Титова осуждена не за то «преступленіе», за которое привлекалась, а за такое дѣяніе («сутяжничество», «обремененіе суда своими тяжбами»), которое не только неподсудно волостному суду, но вовсе не предусмотрѣно уголовными законами (такъ какъ въ ст. 339 уложенія о наказаніяхъ предусматривается лишь подсудное окружному суду возбужденіе другихъ къ неосновательнымъ искамъ).

Нужно-ли говорить, однако, что, несмотря на наличность всѣхъ основаній, вернувъ жалобы, какъ «не въ порядкѣ» поданныя, земскій начальникъ и отъ себя не передалъ ихъ на разсмотрѣніе сѣзда? «Страсть къ сутяжничеству» Титовой, «характеръ» ея, «обремененіе судебныхъ мѣстъ своими тяжбами», по его мнѣнію, тоже заслуживали наказанія, и приговоръ не былъ явно неправосуднымъ.

Титова стала просить о возстановленіи срока. Но просьба объ этомъ была направлена ея повѣреннымъ въ уѣздный сѣздъ. Послѣдній-же оставилъ ходатайство Титовой «безъ разсмотрѣнія», разъяснивъ, со ссылкой на ст. 836 уст. гр. судопр. и на ст. 17 и 30 временныхъ правилъ о вол. судѣ, что просьба о возстановленіи срока на обжалованіе подлежитъ разрѣшенію волостного суда ¹⁾. Она и обратилась тогда къ волостному суду. Нужно-ли говорить, что судъ отказалъ ей въ возстановленіи срока на обжалованіе? Дальше обжаловать дѣло Титова не сумѣла,—да рѣшеніе и приговоръ вошли уже въ законную силу. Несчастной женщинѣ пришлось отдать 5 рублей, присужденныя съ нея въ пользу Бѣлавина за то, что она вздумала косить на троекратно присуждавшемся ей участкѣ земли, а за то, что она такъ энергически отстаивала свое право и силу

¹⁾ Въ дѣйствительности, въ приведенныхъ статьяхъ точно это не устанавливается, и сѣздъ лишь толковалъ законы по общему ихъ смыслу. Вопросъ былъ весьма не ясенъ, и ужъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ трудно разрѣшать его правильно самимъ крестьянамъ.

судебнаго рѣшенія, за «сутяжничество», ей пришлось «отсидѣть» семь дней въ горячую рабочую пору.

Не будемъ подробно говорить, что уже самая процедура приведенія въ исполненіе приговора и рѣшенія явилась для нея дополнительнымъ наказаніемъ. Въ этой процедурѣ выразилось стремленіе унижить Титову еще болѣе. Это—очень длинная исторія! Полное молчаніе закона относительно «порядка», который долженъ соблюдаться въ такихъ случаяхъ, предоставленіе этого порядка всецѣло обычаю, облегчало возможность издѣвательства надъ «преступницей».

Ей не было, напримѣръ, письменно или словесно заявлено предварительно о томъ, что, со вступленіемъ приговора въ силу, она должна явиться въ помѣщеніе волостного правленія для отбытія ареста. Оказалось необходимымъ «взять» ее. За нею присланы были: староста, десятскій и шестеро понятыхъ изъ разныхъ деревень. Восемь человѣкъ! По чрезвычайно характерному выраженію самой Титовой, ее «завоевывали». Униженіе какъ-бы особо оглашалось.

«Завоевываніе» слабой женщины такимъ большимъ числомъ людей имѣло, кстати, и иную цѣль: старшина поучалъ, отправляя въ походъ свою «армію»: «слушайте, не будетъ-ли она выражать какихъ словъ». На Титову были готовы новыя «протоколы» и «акты». Недаромъ, въ жалобѣ своей на приговоръ волостного суда, она объясняетъ неявку свою, по требованію старшины, для отвода мѣста подъ постройку овина, опасеніемъ, что—пишется здѣсь—«явка моя могла дать старшинѣ причину еще составить на меня какой-нибудь протоколъ».

Никакихъ «особыхъ словъ» Титова, однако, не выразила тогда, когда ее «завоевывали». Конечно, она поплакала, попричитала, поломала себѣ руки. Но и все. Она еще не совсѣмъ утратила самообладаніе, хотя разстройство дошло до сильнѣйшей степени... и она была близка къ сумасшествію. Пока она не сошла съ ума. Но что-же будетъ удивительнаго въ томъ, если сойдетъ? Нервозность этой женщины отъ природы несомнѣнна.

— Только и держу на сердцѣ,—говоритъ теперь сама Титова,—какъ бы мнѣ ума не рехнуться.

V.

Понятное раздражающее значеніе для Титовой имѣло то, что въ то самое время, когда ее «завоевывали», сажая подъ арестъ и взыскивая 5 рублей,—въ это самое время ей была прислана копія съ постановленія губернскаго присутствія отъ 19-го августа 1897 г., состоявшагося по жалобѣ ея на постановленіе сѣзда отъ 18-го октября 1896 г. ¹⁾ И гу-

¹⁾ Мѣстное губернское присутствіе установило практику, согласную съ закономъ (ст. 140 тома II, общ. губ. учрежд., изд. 1892 г.), но далеко не вездѣ существующую, и не соблюдаемую, между прочимъ, мѣстными же уѣздными сѣздами: оно

бернское присутствіе признало неправильными дѣйствія старшины и земскаго начальника. А между тѣмъ, она должна была, подъ градомъ насмѣшекъ и всяческаго издѣвательства, сидѣть подъ арестомъ и платить деньги за попытку воспользоваться своею собственностью.

Установивъ съ несомнѣнностію фактъ совершенія земскимъ начальникомъ превышенія власти, губернское присутствіе при этомъ не только не возбудило вопроса о преданіи его суду, но не подвергло и какому-либо дисциплинарному взысканію. Земскій начальникъ поставлялся только «въ извѣстность» о томъ, что дѣйствія его были неправильны. Самое дѣльнѣйшее обжалованіе преграждалось. «Опредѣленіе губернскаго присутствія обжалованію правительствующему сенату не подлежитъ» — говорилось здѣсь. Между тѣмъ, оно подлежало обжалованію, хотя и не сенату, а министру внутреннихъ дѣлъ, по совершенно точному смыслу ст. 126 ¹⁾. Правда, и жалобщица просила лишь о признаніи дѣйствій земскаго начальника неправильными. Но сдѣлавъ это, губернское присутствіе не могло не квалифицировать самыя эти дѣйствія. Рѣчь шла о дѣяніи, которое могло и должно было преслѣдоваться совершенно независимо отъ желаній и заявленій частныхъ лицъ ²⁾. Губернское присутствіе, какъ видно, косвенно и квалифицировало дѣянія земскаго начальника. Оно только не назвало эти дѣянія превышеніемъ власти. Но какъ можно было, спрашивается, назвать ихъ?

Итакъ, земскій начальникъ не подвергался никакой отвѣтственности. О старшинѣ же тутъ не было и рѣчи. Но, можетъ быть, онъ подвергнутъ взысканію земскимъ начальникомъ? Едва-ли. Изъ объясненій, данныхъ земскимъ начальникомъ сѣзду, видно было, что онъ лично считаетъ старшину правымъ. Да иначе нужно было бы признать неправымъ и себя.

Что же будетъ удивительнаго, если весною 1898 года начнется та же исторія, то же преслѣдованіе Титовой? Логически такъ и должно быть: Вѣдь Титова, пока не сойдетъ съума, пожалуй, не оставитъ дѣла ³⁾.

прямо посылаетъ заинтересованному лицу копію съ своего постановленія, безъ взысканія какой-либо платы. Обыкновенно-же административныя мѣста лишь «объявляютъ», черезъ полицію или волостное начальство, краткія свои резолюціи, а затѣмъ, частныя лица должны ѣздить сами, давать довѣренности, хлопотать и при этомъ платить разные сборы за копіи, необходимыя для точнаго уразумѣнія, того какое постановленіе состоялось, такъ какъ изъ «объявленія» иногда они не узнаютъ ровно ничего.

¹⁾ См. также въ «Сводѣ» Горемыкина разъясненія подъ ст. 126 (томъ 1, ч. 1-ая, стр. 780).

²⁾ Ст. 138.

³⁾ Читатель удивится, какимъ образомъ Титова могла вести дѣло шесть лѣтъ. Вѣдь, это должно было стоить ей очень дорого? Да, шестая часть десятины стоила ей весьма дорого: не считая крови, сока нервовъ, она израсходовала на нее, по край-

Правда, дѣло не кончено еще: на рѣшеніе и приговоръ волостного суда отъ 22-го іюня 1897 г. можно обратить вниманіе губернскаго присутствія въ порядкѣ надзора; на постановленіе губернскаго присутствія отъ 19-го августа 1897 г. можно принести жалобу министру внутреннихъ дѣлъ,—и, безъ сомнѣнія, жалобы будутъ уважены. Но дальнѣйшее веденіе дѣла представляетъ уже затрудненія, непреодолимые для мѣстныхъ юридическихъ силъ. Вывести дѣло изъ «заколдованнаго круга» мѣстныхъ учрежденій онѣ не могутъ.

Между тѣмъ, уже теперь Титову пугаютъ: «Бѣлавинъ былъ у земскаго начальника,»—«хочетъ подавать ко взыску,»—«получить съ тебя за бумаги..»

Тяжело это слушать. Вѣдь это очень много значитъ. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ обмолвился слѣдующими, ближайшимъ образомъ, примѣнимыми сюда словами: «Многіе съ завѣдомо неосновательными жалобами обращаются непосредственно къ земскому начальнику, и часто одной угрозой, что были и будутъ у земскаго начальника, и подали или подадутъ жалобу, достигаютъ своей цѣли и кончаютъ дѣло выгоднымъ для себя образомъ. Вслѣдствіе чего быстро развивается обычай кляузничества»¹⁾).

Въ то же время Титовой грозятъ, по слухамъ, что будетъ возбуждено дѣло по поводу выдернутыхъ ею знаменитыхъ «тычекъ», поставленныхъ земскимъ начальникомъ. Выдернуть «тычки», неправильно поставленные, надлежало, очевидно, съ особой церемоніей.

Волостной старшина можетъ еще не разъ дать почувствовать свою власть. У волостного старшины есть «право» — безъ всякаго формальнаго производства, за «маловажные полицейскіе проступки», подвергать подвѣдомственныхъ лицъ штрафу, аресту, общественнымъ работамъ. И теперь старшина можетъ сугубо пользоваться этимъ «правомъ». Дѣло въ томъ, что, въ довершеніе всѣхъ напастей, надъ Титовою разлилось новое опредѣленіе губернскаго присутствія, развязывающее руки старшинѣ.

Вспомнимъ его постановленіе отъ 22-го апрѣля 1897 года объ арестованіи Титовой на двое сутокъ. Она обжаловала, конечно, это постановленіе земскому начальнику. Но нужно ли говорить, что онъ оставилъ жалобу ея безъ послѣдствій? Онъ только посмѣялся надъ нею. На постановленіе земскаго начальника объ оставленіи жалобы ея безъ послѣдствій она

ней мѣрѣ, съ развѣздами и упущеніями въ своемъ хозяйствѣ, около четырехсотъ рублей. Быть можетъ, она женщина богатая для крестьянки? Нѣтъ, она обыкновенная крестьянка, ведущая незначительное хозяйство. Главной поддержкой служить для нея то, что мужъ на промыслѣ, живетъ въ Петербургѣ, получая рублей 300.

¹⁾ Беэръ. Комментарій провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 г. ч. I. Пол. о зем. нач. и админ. порядокъ ихъ дѣлопроизводства, стр. 66.

принесла жалобу въ сѣздъ. Но и сѣздъ 18-го іюля 1897 г. призналъ постановленіе земскаго начальника объ оставленіи ея жалобы безъ послѣдствій «правильнымъ». Титова перенесла тогда дѣло въ губернское присутствіе. Послѣднее же 27-го октября 1897 г. нашло, что «назначеніе старшиною ареста не выходитъ за предѣлы взысканій, налагаемыхъ старшиной за маловажные проступки по ст. 86 Общ. Пол., и обжалуемое Титовой постановленіе уѣзднаго сѣзда состоялось съ соблюденіемъ установленныхъ на сей предметъ правилъ». Поэтому и губернское присутствіе, въ свою очередь, оставило жалобу Титовой «безъ послѣдствій».

VI.

Да, вотъ характерное дѣло, о которомъ такъ краснорѣчиво говорятъ документы «за надлежащимъ подписомъ и съ приложеніемъ печати».

Теперь можно сдѣлать нѣкоторые выводы по вопросу объ юридической помощи крестьянамъ. Кажется, приведенная иллюстрація можетъ, дѣйствительно, помочь намъ въ сильной попыткѣ затронуть эти вопросы.

1) Что было-бы, еслибы Титова не имѣла возможности обратиться къ адвокату, поставленному, единственно благодаря принадлежности своей къ привилегированному сословію, въ положеніе, при которомъ нельзя сажать его произвольно подъ арестъ, говорить ему «ты» публично, угрожать ему, рвать его прошенія, отказываться ихъ принимать? Понятно, что травля, которой она подвергалась, была-бы страшно усилена. Если все то, что произошло, могло происходить тогда, когда жалобы ея получали «удовлетвореніе» и по нимъ признавались неправильными дѣйствія старшины и земскаго начальника, то насколько широко могъ-бы разгуляться произволь тогда, когда некому было-бы написать и жалобу? Пусть примутъ это во вниманіе люди, не находящіе для непривилегированной адвокатуры иныхъ словъ, кромѣ ругательныхъ.

2) Слѣдовательно, адвокатъ Титовой — обыкновенный деревенскій адвокатъ — оказалъ порядку явную услугу. Дѣятельность его представляется вполне почтенною, полезною. Ничего напоминающаго о сутяжничествѣ не было въ его дѣятельности, и вообще бываетъ довольно рѣдко. Никакой «деморализаціи», о которой говорятъ обвинители народа и его адвокатовъ въ «сутяжничествѣ», не вносилъ онъ сюда. Наоборотъ, онъ поднималъ загнанную личность, напоминалъ о томъ, что, кромѣ мѣстнаго начальства, произвольно дѣйствующаго, есть другія власти, которыя могутъ встать на защиту поправнаго закона. На вопросъ, кто сутяга, нельзя отвѣтить указаніемъ на него. Но сутягою онъ, конечно, выставляется тѣми, противъ которыхъ направляются составляемые имъ жалобы и прошенія. Такъ и слѣдуетъ понимать то, что говорятъ «въ одинъ голосъ» непремѣнные члены, исправники, земскіе начальники о «сутягахъ», «аблакатахъ» и «крючкотворахъ».

3) Не было тутъ и разоренія, которое якобы причиняютъ крестьянамъ ихъ адвокаты. Плата, которую онъ бралъ, была весьма умѣренна. Въ концѣ концовъ, однако, Титовой пришлось переплатить ему значительную сумму. Но вѣдь, много было и дѣлъ, которыя онъ велъ за это время, возникшихъ изъ главнаго, много было и бумагъ, которыя онъ составлялъ. Если Титова *разорена* въ значительной степени, то тутъ виновать не онъ. Не благодаря ему возникла столь длинная исторія, вмѣсто приведенія въ исполненіе судебного рѣшенія, троекратно входившаго въ законную силу.

4) Особое значеніе деревенскихъ адвокатовъ вытекаетъ изъ того, что они близки, что съ ними можно часто совѣщаться. Жизнь-же крестьянина, которому, волей-неволей, приходится вести дѣло, какъ видно, проходить съ этого момента въ цѣломъ рядѣ столкновеній. Онъ постоянно колеблется между страхомъ и надеждою, постоянно возбужденъ, разстроенъ, угрожаемъ. Уже одна возможность поговорить съ человѣкомъ, который нѣсколько поднимаетъ духъ, разсѣиваетъ угнетенное душевное состояніе, представляется весьма счастливою. Это спасаетъ отъ худшаго.

При такихъ условіяхъ, представляется очевидною необходимостью, *чтобы проектируемые деревенскіе адвокаты жили именно въ деревнѣ*. Консультации, учреждаемыя въ городахъ, недостаточны, не могутъ достатать цѣли во многихъ отношеніяхъ.

5) Несомнѣнна желательность признанія того, что въ задачи земства входитъ подача населенію юридической помощи. Матеріальное благосостояніе крестьянъ явно страдаетъ при настоящихъ условіяхъ. Человѣкъ разоряется, дѣла его разстраиваются, онъ отвлекается отъ работы. Въ данномъ случаѣ, небольшой клочекъ земли остается безъ обработки. Въ другихъ случаяхъ, рѣчь можетъ идти, и часто идетъ, о значительныхъ пространствахъ. Организация юридической помощи неизбѣжно поведетъ къ уменьшенію разорительныхъ дѣлъ среди крестьянъ. Она умѣритъ произволъ мѣстныхъ начальниковъ. Сознаніе, что крестьянинъ найдетъ защиту, доведетъ дѣло до высшей власти, заставитъ дѣйствовать мѣстныхъ начальниковъ осмотрительнѣе. Такимъ-же образомъ уменьшится число причинъ психическихъ разстройствъ, часто наблюдающихся нынѣ среди крестьянъ именно подъ давленіемъ произвола и путаницы въ юридическихъ отношеніяхъ. Притомъ, по самому существу, это дѣло общественное. Государство издаетъ законы, назначаетъ должностныхъ лицъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, предоставляя гражданамъ извѣстныя права, государство поручаетъ всѣмъ совершеннолѣтнимъ лицамъ изъ ихъ числа заботиться самимъ о томъ, чтобы эти права не нарушались. Ясно, что граждане, организованные въ извѣстный союзъ (земство), могутъ и должны устроить такимъ образомъ, чтобы забота о ненарушимости собственныхъ ихъ правъ могла осуществляться правильно.

6) Но задача органовъ подачи населенію юридической помощи въ то-же самое время такова, что она могла-бы быть выполняема и на общегосударственныя средства. Для правительства весьма важно, чтобы дѣла, требующія его вниманія, не оставались безгласными, чтобы законы примѣнялись, произволь умѣрялся. Оно заботится о ненарушимости правъ лицъ несовершеннолѣтнихъ. Крестьяне-же въ настоящемъ отношеніи, фактически, такъ-же безпомощны, какъ и несовершеннолѣтнія лица. Учрежденіе-же деревенскихъ адвокатовъ, несомнѣнно, повело-бы къ извѣстному огражденію ихъ правъ. Такимъ адвокатамъ могла-бы быть вручена и чисто правительственная задача, особенно настоятельная въ настоящее время. Они могли-бы именно являться и изслѣдователями юридическаго быта крестьянъ, доставлять матеріалъ для работъ по пересмотру и дополненію законодательства о крестьянахъ. Недостатокъ въ такихъ матеріалахъ, несомнѣнно, чувствуется. Реформа положенія крестьянъ при наличныхъ условіяхъ, безъ восполненія такого недостатка, не можетъ быть произведена удовлетворительно. И такіе матеріалы будутъ требоваться всегда.

7) Какое положеніе должно быть придано деревенскимъ адвокатамъ? Совершенно независимое отъ мѣстныхъ вліяній. Назначеніе ихъ должно происходить безъ всякаго участія со стороны органовъ мѣстнаго управленія. Малѣйшее подчиненіе ихъ мѣстнымъ властямъ совершенно измѣнитъ положеніе вещей. Это очевидно. Не нужно доказывать это подробно. Мы видѣли въ дѣлѣ Титовой, какъ важно было, что деревенскій адвокатъ былъ независимъ только по своему происхожденію, какъ дворянинъ, какъ лицо, обладавшее всѣми необходимыми правами личности.

8) Организациа деревенской адвокатуры не должна вести за собою никакихъ стѣсненій для адвокатуры, которая создавалась и создается сама собою, какъ дѣло свободное. Нельзя гражданина лишать права обращаться къ кому ему угодно по своимъ юридическимъ дѣламъ. Это его непремѣнное право. Съ другой-же стороны, нельзя и воспрещать кому-либо безъ особыхъ основаній подачу посильной юридической помощи ¹⁾. Общій уголовный законъ долженъ служить достаточною охраною порядка, безъ всякихъ особенныхъ, тѣмъ болѣе административныхъ, воздѣйствій. Воспрещать кому-либо подачу другимъ юридической помощи тѣмъ менѣе возможно, что защищать ближняго противъ неправды, несправедливости—есть первѣйшая обязанность каждого гражданина. Въ то-же время неумѣлая и даже недобросовѣстная подача юридической помощи не угрожаетъ ничему. Гораздо больше опасности отъ неумѣлаго примѣненія власти. Отъ этого граждане, дѣйствительно,

¹⁾ Это, какъ мы видѣли, высказалъ сенатъ весьма категорически и по дѣлу Лещинскаго, и по дѣлу Герасимовой (вступленіе).

должны быть ограждены, и отъ этого можетъ оградить ихъ отчасти самостоятельная адвокатура. Отсюда важность предыдущаго и послѣдующаго нашихъ положеній. Само общество должно измѣнить отношеніе свое къ непривилегированной адвокатурѣ. Она заслуживаетъ сочувствія, иногда сожалѣнія, а не презрѣнія и преслѣдованія. Общественное презрѣніе къ ней особенно вредно, вреднѣе административнаго преслѣдованія. Она дѣлаетъ изъ представителей этой адвокатуры такихъ паріевъ, что всякій опасается быть причисленнымъ къ нимъ. Отсюда-же отклоненіе многихъ отъ подачи юридической помощи, при достаточныхъ съ ихъ стороны данныхъ для удовлетворительнаго оказанія этой помощи.

9) Составъ служащихъ въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ въ особенности требуетъ скорѣйшаго улучшенія. Никакая, самымъ широкимъ образомъ, организованная юридическая помощь населенію не оградить его отъ всевозможныхъ несправедливостей,—не удовлетворитъ самой потребности въ подобной помощи,—если не будетъ улучшенъ составъ лицъ, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Прошенія, жалобы, дѣла будутъ постоянно плодиться и множиться, коль скоро разрѣшать крестьянскія дѣла будутъ неизмѣнно продолжать лица, не имѣющія ни надлежащей подготовки, ни любви къ дѣлу, ни призванія.

10) Рядомъ-же съ улучшеніемъ состава служащихъ въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, должно быть улучшено законодательство о крестьянахъ. Прежде всего, должны быть отмѣнены чрезвычайныя права, возложенныя на крестьянскихъ начальниковъ. Крестьяне должны быть ограждены отъ произвольной карательной власти сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ, земскихъ начальниковъ. Имъ должны быть предоставлены общія права російскихъ гражданъ, — отвѣчать за свои проступки единственно передъ судомъ и по закону. Самый судъ долженъ быть улучшенъ. Тѣлесное наказаніе, примѣняемое нынѣшнимъ волостнымъ судомъ, должно быть отмѣнено. Крестьянамъ должно быть также предоставлено широкое, ничѣмъ не стѣсняемое право жалобъ по всѣмъ касающимся ихъ дѣламъ. Въ то-же время имъ должно быть дано общее право — передавать защиту своихъ интересовъ во всѣхъ безъ исключенія учрежденіяхъ, по довѣренности, всѣмъ лицамъ, не лишеннымъ общихъ и особенныхъ правъ. Нынѣ они лишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ уполномочивать на явку вмѣсто себя въ волостной судъ другихъ лицъ — и кого-жь? — только столь-же несвѣдущихъ, какъ сами довѣрители, — домашнихъ или односельцевъ, «не занимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе ¹⁾». Ни односельцамъ, занимающимся веденіемъ чужихъ дѣлъ за вознагражденіе, ни присяжнымъ, ни частнымъ повѣреннымъ они не могутъ давать полномочія представ-

¹⁾ Временныя правила о волостномъ судѣ, ст. 23.

лять свои интересы въ подобныхъ случаяхъ. Это ограниченіе въ правахъ не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

11) Какъ частный вопросъ, который мы преимущественно разсматривали (вопросъ объ юридической безпомощности крестьянъ), такъ и общій, къ которому мы подошли,—вопросъ объ улучшеніи юридическаго положенія крестьянъ,—оба эти вопроса могутъ получить свое полное разрѣшеніе, и не на бумагѣ, а на дѣлѣ, лишь тогда, когда не только широко разовьется грамотность среди народа, но когда самъ народъ усвоитъ себѣ и нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, познакомится съ своими правами и обязанностями, будетъ нѣсколько знать законы. Иначе, съ одной стороны, онъ будетъ плохо понимать своихъ адвокатовъ, съ другой-же, и новые законы такъ-же будутъ очень часто оставаться «мертвою буквою», какъ остаются нынѣ нѣкоторые «дѣйствующіе» законы, способные еще ограждать попираемые интересы и права. Это совершенно ясно. При отсутствіи знанія законовъ населеніемъ, — дѣломъ, заранѣе обреченнымъ на бумажное существованіе, являются и такія непремѣнныя задачи государства, какъ дать гражданамъ законы, обезпечить порядокъ, оградить права. Законы *могутъ быть*, порядокъ *можетъ казаться* ими обезпеченнымъ, права *имѣющими* получаютъ при каждомъ нарушеніи надлежащее огражденіе и возстановленіе. Но все это можетъ оставаться на бумагѣ, въ теоріи, — на дѣлѣ-же можетъ царить произволъ, лишь нѣсколько ослабляемый обычными мѣрами надзора за законностью, каковы, на примѣрѣ, учрежденіе особыхъ органовъ надзора,—прокуратуры. Надзоръ за законностью, организующійся самостоятельно среди населенія, ясно сознающаго свои права и обязанности, есть надзоръ самый вѣрный, дѣйствительный, постоянный. Къ водворенію такого надзора и должно стремиться главнымъ образомъ. Эта-же задача,—одинаково, какъ правительственная, такъ и общественная.

Какими-же мѣрами можетъ быть осуществлена подобная важнѣйшая задача? Онѣ представляются сами собою. Необходимо всеобщее обученіе на общегосударственныя средства, расширеніе программы народной школы, — введеніе въ число предметовъ преподаванія законовѣдѣнія, учрежденіе дополнительныхъ классовъ или высшихъ школъ, въ которыхъ окончившіе курсъ начальной школы получали-бы дальнѣйшее и, въ частности, нѣкоторое юридическое образованіе, широкое преподаваніе права вообще во всѣхъ школахъ, развитіе популярной юридической литературы, образованіе въ періодическихъ изданіяхъ особыхъ отдѣловъ, — отвѣтовъ на юридическіе запросы подписчиковъ, и т. п.

Въ частности необходимо большее вниманіе печати и общества къ вопросамъ *юридическаго* быта крестьянъ. Только недостаткомъ этого вниманія можетъ быть объяснено то, что остаются въ тѣни такія—указанныя нами въ жизненныхъ образахъ—явленія, какъ примѣненіе адми-

нистративно-карательной власти къ крестьянамъ, до послѣдней степени умаляющее ихъ личность.

Совершенно ясно также, что при отсутствіи для крестьянъ прочнаго юридическаго положенія, при неопредѣленности и необезпеченности ихъ правъ, — не можетъ развиваться правильно и экономическое благосостояніе сельскаго населенія. Заботиться и говорить объ экономическихъ интересахъ крестьянина, и оставлять въ забвеніи его юридическія потребности, интересы его личности въ ея цѣломъ, — все равно, что черпать воду рѣшетомъ или толочь ее въ ступѣ...

Н. Дружининъ.
